

Т. А. Базарова

«ПРИШЛИ ВСКОРЕ НЕМЕДЛЕННО КУРИЕРА...»,
ИЛИ КАК ДОСТАВЛЯЛИ ДИПЛОМАТИЧЕСКУЮ ПОЧТУ ИЗ СТАМБУЛА
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

Русско-турецкая война 1686–1700 гг. завершилась подписанием Константинопольского мирного договора (3 июля 1700 г.), по условиям которого Петр I получил возможность учредить постоянное дипломатическое представительство при османском дворе. В начале XVIII в. отношения между государствами оставались напряженными. Высокая Порта не могла смириться с потерей Азова, также ее тревожило строительство азовского флота, Троицкой крепости, рост политического и военного влияния России в Польше и т. д. В условиях, когда основные ресурсы России были направлены на войну со Швецией, Петр I поставил перед своими дипломатами задачу не дать разгореться новому конфликту с южным соседом. Русским представителям при Высокой Порте надлежало оперативно докладывать Посольскому приказу о малейших изменениях в политической ситуации. Выполнение данного распоряжения затрудняло то обстоятельство, что надежной почтовой связи между Россией и Османской империей не существовало.

В конце XVII – начале XVIII в. почтовые тракты связывали Москву с Ригой и Вильно. Доставка корреспонденции из российской столицы до границы в среднем занимала 10–14 дней (в распутицу время увеличивалось). Русские послы при европейских дворах имели возможность регулярно посылать донесения в Москву. Например, находившийся с 1674 по 1677 г. в качестве резидента в Варшаве стольник Василий Михайлович Тяпкин всю переписку с Посольским приказом вел только через почту¹. В южном направлении почтовый тракт из Москвы был проложен до Киева, и лишь в декабре 1703 г. начались работы по устройству почтовых станов вдоль дороги, ведущей к Белой Церкви.

В 1702 г. в Османскую империю был направлен на постоянную резиденцию Петр Андреевич Толстой (1645–1729). Секретная инструкция предписывала послу собирать информацию об османском государстве, армии, флоте и крепостях: проводить «подлинно и записывать у себя тайно, и о том писать к великому государю с кем верными людьми. А буде что нужнейшего будет, писать с нарочным посыльщиком»². Посольский приказ планировал отправлять указы и распоряжения П. А. Толстому с нарочными курьерами или по почте до Киева, а оттуда передавать с «верными людьми». Послу надлежало предложить Высокой Порте «поставить до Киева почту, дабы удобнее ко всякому делу писать скоростию»³.

В июне 1703 г. П. А. Толстой попытался выполнить это распоряжение. Во время беседы с великим драгоманом Александром Маврокордато он пожаловался на сложность

доставки писем с курьерами через Волоскую землю (Молдавское княжество) и предложил: «А ежели Порта желает, чтоб в пересылке писем медления не было и указал бы салтаново величество во владении своего государства и до российских городов, даже и до преславного града Киева учинить уставную почту. А царь по своей земле до Киева и даже до Москвы почту устроить, чаю, укажет. И тогда будут письма перевозиться на обе страны без медления»⁴. Однако османское правительство идея об учреждении почтовой связи не заинтересовала. Послу пришлось искать другие способы отправки дипломатической корреспонденции.

В 1702 г. в Посольском приказе П. А. Толстому назвали «верного человека» в Османской империи – иерусалимского патриарха Досифея II Нотару (1641–1707)⁵. В 1699–1700 гг. Досифей оказывал помощь русским посланникам Е. И. Украинцеву и И. П. Чередееву, задачей которых являлось заключение мирного договора. Перед своим отъездом из Стамбула Е. И. Украинцев указал остававшимся в османской столице подьячему Г. Юдину и переводчику С. Лаврецкому собирать информацию и пересылать отписки в Посольский приказ через патриарха Досифея. По-видимому, первую «особую записку» С. Лаврецкий и Г. Юдин отослали в Посольский приказ 3 октября 1700 г. Доставить ее поручили отбывавшему в Москву архимандриту Хрисанфу (племяннику патриарха Досифея). В дальнейшем, согласно наказу, С. Лаврецкий передавал письма патриарху и тот переправлял их в Москву. Сложно сказать, все ли донесения доходили до Посольского приказа. В мае 1701 г., уже будучи в Адрианополе, С. Лаврецкий узнал, что патриарх Досифей «убоялся» и не переслал письма великому послу Д. М. Голицыну, и потребовал вернуть недоставленные послания⁶.

29 августа 1702 г. П. А. Толстой торжественно въехал в Адрианополь, где пребывали османский султан и правительство. Уже на следующий день, 30 августа, послу передали первое письмо от Спидиота, племянника иерусалимского патриарха⁷ (Досифей прибыл в Адрианополь только 6 ноября). В сентябре 1702 г. Спидиот предложил помощь в пересылке писем в Россию: «Ежели изволишь во отечество свое писать, свертывай грамотки узелком, а не широко. И пришли с человеком, а я их немедленно pošлю»⁸. Как и надеялось руководство Посольского приказа, иерусалимский патриарх и его племянник помогли русскому послу переписываться с Москвой. Так, 2 апреля 1703 г. Спидиот передал послу зашифрованное письмо главы Посольского приказа Ф. А. Головина⁹. 30 мая патриарх прислал на посольский двор своего племянника с запечатанными письмами Ф. А. Головина и И. С. Мазепы, а также присланный из Москвы «клейнот золотой со изображением на нем персоны великого государя да два чертежа города Шлисселбурка»¹⁰. В статейном списке П. А. Толстого упоминалось, что весной 1706 г. «приятели» патриарха помогли доставить собственноручное письмо Петра I¹¹. Патриарх Досифей помогал русскому послу осуществлять переписку с Посольским приказом вплоть до своей кончины в феврале 1707 г.

Посольскую корреспонденцию патриарх пересылал через земли мулянского и волоского господарей (Валахское и Молдавское княжества). В статейном списке посла Д. М. Голицына упоминалось, что в сентябре 1701 г. «о ведомостях турских, которые были ведомы ему, великому послу, будучи в Адрианополе, писал к великому государю чрез Мулянскую землю цыфирным писмом. А письма посылал в Мулянскую землю свейтеший иеросалимской патриарх»¹². В мае 1707 г. валахский стольник Константин Кантакузин из Бухареста сообщил, что патриарх передал через него письма П. А. Толстого¹³.

В начале 1710-х гг. послы уже опасались пересылать важные донесения через господарей, особенно после того, как бесследно исчезло несколько писем, отправленных из Стамбула при посредничестве Константина Брынковяну.

П. А. Толстой также отправлял корреспонденцию с греческими купцами, которые везли товары на продажу в Москву. Как правило, им доверяли доставку зашифрованных писем главе Посольского приказа Ф. А. Головину (а затем Г. И. Головкину и П. П. Шафирову). В статейном списке П. А. Толстого отмечено, что 1 мая 1703 г. «приехал во Андрианополь с Москвы греченин Иван Троеус, которой был послан от посла к Москве с писмами». Назад торговец вернулся с посланиями Ф. А. Головина и И. С. Мазепы¹⁴. Купеческие обозы добирались из Стамбула до Москвы больше месяца. Например, 10 марта 1705 г. нежинский житель Степан Остафьев получил от П. А. Толстого проезжий лист и послания Ф. А. Головину и И. С. Мазепе¹⁵, и только 23 апреля он смог передать конверт в Посольский приказ¹⁶. Особо доверительные отношения сложились у русского посла с С. А. Владиславицем-Рагузинским. Сава Лукич доставлял из Москвы письма и меха, а также переводил векселем деньги для выплаты жалования членам русского посольства и на другие расходы. Например, 1 августа 1703 г. Ф. А. Головин написал послу: «...господин Рагузинской отсюда со всяким довольством отпущен и писма с ним надобные к милости твоей посланы и мяхкой рухледи на пять тысяч рублев»¹⁷. В апреле 1705 г. П. А. Толстой доложил главе Посольского приказа об ухудшении своего положения после смены великого везира. В письме, отправленном с возвращавшимся в Москву торговым человеком, посол посетовал: «...мне от себя з двора послать никого невозможно, также и приятели, чрез которых писма посылались, ныне не знаю где обретаются и от страху слышать о мне не хотят, и не знаю где их сыскать и зело, государь, мне прискорбно, что в такое нужное время не имею такова верного и добросердечного приятеля, как был здесь господин Сава Владиславич...»¹⁸.

П. А. Толстой понимал ненадежность доставки корреспонденции с торговыми людьми и не раз писал об этом в Посольский приказ. Он стремился свести данный способ пересылки до минимума, но полностью отказаться от него не удалось. Русский посол поручал доставку писем направлявшимся в Москву купцам вплоть до своего ареста в ноябре 1710 г.

Письма, деньги, меха и другие ценные вещи доставляли П. А. Толстому переводчики и подьячие, которых Посольский приказ направлял на службу в посольство в Стамбуле. В свою очередь и покидавшие (на время или навсегда) османскую столицу служители русского посольства везли в Москву донесения, записки, выписки из статейного списка, расходные книги и пр. В декабре 1703 г. с толмачом Кириллом Македонским была «послана к великому государю отписка; да с ним же послана книга, имянуемая „Навтика“ издания кавалера Петра Роса, да чертеж Керчинского гирла с новым строением, да писмо дефалоникийского митрополита Мефодия», а также письма Ф. А. Головину и И. С. Мазепе¹⁹. В феврале 1706 г. отправился в путь из Стамбула старший сын П. А. Толстого, Иван, «а с ним посланы к великому государю две отписки, а под отписками челобитные»²⁰.

Помогали послам и западноевропейские дипломаты при Высокой Порте. В июле 1707 г. в Вену прибыл посол Петра I И. К. Урбих, а в октябре того же года П. А. Толстой получил распоряжение П. П. Шафирова: «Изволь ваше превосходительство

с вышеписанным его царского величества тайным советником Урбихом, пребывающим при цесарском дворе, ежели возможно, иметь корреспонденцию, о чем и к нему Урбиху писано, чтоб с вами о всех надлежащих делах сносился»²¹. Помощь в доставке писем в Вену П. А. Толстому оказывал английский посол при Высокой Порте Р. Саттон. Зарубежным корреспондентом П. А. Толстого был и А. А. Матвеев, представлявший интересы Петра I в Гааге. Переписку с Андреем Артамоновичем помогал поддерживать голландский посол Я. Кольер²².

Во время Русско-турецкой войны 1710–1713 гг. русские дипломаты особенно остро нуждались в помощи западноевропейских коллег. После заключения Прутского мира (12 июля 1711 г.) полномочные министры (с 1712 г. – послы) П. П. Шафиров и М. Б. Шереметев должны были оставаться в Османской империи до выполнения Россией всех условий договора. Предполагалось, что пребывание в Стамбуле не будет долгим, однако дипломаты провели там более трех лет. Исполнять свои обязанности им приходилось в крайне тяжелых условиях: Высокая Порта неоднократно обвиняла Петра I в невыполнении условий договора и грозила выдвинуть войска к российским границам. Большую часть времени русские дипломаты пребывали в изоляции на посольском дворе. После того как Порта 31 октября 1712 г. объявила войну, П. П. Шафирова, М. Б. Шереметева, П. А. Толстого и более 200 представителей посольства в соответствии с османской дипломатической практикой заключили в крепость Едикуле (Семибашенный замок).

В 1712 г. редкая переписка с царским двором осуществлялась через английского и голландского послов²³. После того как турки запретили русским послам «явно» отправлять курьеров через Бендеры, П. П. Шафиров, проведавший о намерении Петра I посетить Карлсбад, уговорил Я. Кольера послать секретаря посольства Риге через Вену с пакетом к царскому двору²⁴.

Турецкий историк А. Н. Курат отметил, что несмотря на то что 11 марта 1712 г. британское правительство указало своему послу не вмешиваться в переговоры Османской империи с Россией и Польшей²⁵, Р. Саттон и его переводчик рагузинец Лука Барка до весны 1713 г. продолжали оказывать помощь русским послам. Л. Барка передавал заключенным в Едикуле П. П. Шафирову, М. Б. Шереметеву, П. А. Толстому сведения о политической обстановке в Стамбуле и Европе и помогал пересылать донесения в Посольский приказ.

После освобождения из Едикуле в марте 1713 г. П. П. Шафиров расширил переписку со своими западноевропейскими коллегами – А. А. Матвеевым (Вена), Б. И. Куракиным (Гаага), А. Г. Головкиным (Берлин), А. И. Дашковым (Варшава), В. Л. Долгоруким (Копенгаген). Как отметил А. А. Никифоров, огромное значение имел обмен оперативной информацией, поэтому подобного рода переписка широко практиковалась русскими дипломатами²⁶. После того как английские дипломаты отказали в помощи русским послам, основным каналом стала пересылка донесений «под конвертом» голландского посла. В 1713 г. Г. И. Головкин также отправлял из Санкт-Петербурга «на морской почте» в Вену дубликаты и трипликаты зашифрованных писем, адресованных П. П. Шафирову и М. Б. Шереметеву²⁷. В Вене А. А. Матвеев передавал полученный из России пакет голландскому послу, а тот переправлял его со своей дипломатической почтой в Стамбул. Через европейские столицы пересылали реляции в Санкт-Петербург А. И. Дашков и И. И. Неплюев.

В 1702 г. среди сопровождавших выехавшего из Москвы на постоянную резиденцию при Высокой Порте П. А. Толстого были посольские дворяне, переводчики, толмачи, подьячие и др., но ни одного курьера. Уже в первые годы своего пребывания в Османской империи посол в полной мере осознал сложности и неудобство сложившейся ситуации с отправкой дипломатической почты через людей патриарха или греческих торговцев. Весной 1704 г. П. А. Толстой сообщил Ф. А. Головину, что просил у Высокой Порты позволить «держатъ» несколько человек «на своих лошадах для посылок к Москве, как делают протчие послы. Венецкой держит семьдесят человек, и дают ему от Порты на всякой год по семидесят проезжих листов. И когда ему потребно, тогда он посылает от себя ведомости в Венецию безвозбранно и не спрашивая Порты, также делают и другие...». Русский посол спрашивал, разрешит ли царь нанять тридцать черкасов (казаков) на лошадах, «понеже черкасы многие умеют говорить по-турецки, или иным каким людем великий государь быть укажет... сия вещь зело была прилична, не потребно бы ни греком давать денег, ниже в ьные места за пересылку писем»²⁸. Руководство Посольского приказа удовлетворило просьбу. Через год вместе с переводчиком А. Почайновым и подьячим А. Еремеевым «приехали к послу четыре человека черкас, которым велено быть у него посла для посылок к гетману»²⁹.

После П. А. Толстого все петровские дипломаты, отправлявшиеся с поручениями к Высокой Порте, в числе сопровождавших их служителей имели курьеров. В июле 1711 г. из русского лагеря на реке Прут к полномочным министрам П. П. Шафирову и М. Б. Шереметеву в качестве курьеров («для посылок») отправили М. П. Бестужева-Рюмина и А. П. Волынского, а также по 12 человек эскадронцев и драгун³⁰. Курьеры Василий Юрьев, Дмитрий Рычанов, Петр Дмитриев были в составе дипломатической миссии, возглавляемой чрезвычайным и полномочным посланником А. И. Дашковым (1719–1721)³¹. При отправлении в Стамбул посланник получил указание: «...доносить его царскому величеству почасту и нужное писать данною ему цыфирью, а реляции свои отправлять чрез известных корреспондентов, а с нужными делами посылать ко двору его царского величества и нарочных куриеров»³².

Грамоты султану, великому везиру и муфтию, а также указы и распоряжения Петра I и руководства Посольского приказа в Стамбул доставляли нарочные курьеры – как правило, офицеры (или унтер-офицеры) гвардии или драгунских полков. В 1711–1714 гг. обязанности курьеров выполняли Семен Тимофеевич Кишкин, Василий Юрьев, Пашков, прапорщик Нарвского полка Григорий Козлов, прапорщик Кисленский, Степан Софонов, драгун лейб-эскадрона Чюйков, квартирмейстер Азовского драгунского полка Горяистов, ротмистр Артемий Петрович Волынский, драгун лейб-эскадрона Михаил Арсеньев, капитан Трегубов, капитан Жидовинов, капитан Иероним Натали и др.

Нарочным курьерам на дорогу туда и обратно выдавали от 70 до 200 рублей³³. Их маршрут начинался с местопребывания Петра I (например, Москва, Санкт-Петербург, Карлсбад или военный лагерь). Как правило, путь курьера пролегал через Киев и Бендеры или Азов. Он доставлял пакет на посольский двор и через несколько дней, получив «проезжие листы» (паспорта) от Порты и посла, возвращался назад с ответными письмами. После прибытия курьера русских дипломатов нередко посещал представитель османского правительства с вопросом, какие бумаги были доставлены из Москвы. Поэтому в августе 1711 г. П. П. Шафиров попросил Г. И. Головкина: «А когда, государь,

изволите к нам с публичными курьерами какие указы посылать, то хотя и цыфирью, однакож двоякие изволите посылать писма. И одни изволите приказать им отдавать явно, а другие подлинныя указы куды-нибудь тайно им зашивать. Ибо может быть, что могут те писма, удержав, и цыфирь розобрать или принуждать нас станут подлинныя себе объявлять»³⁴.

Курьеры, доставлявшие известия об успехах мирных переговоров или подписанный русскими послами текст договора, могли рассчитывать на награду от государя – следующее воинское звание или денежное вознаграждение. В 1710 г. курьер Марк Сербенин привез Петру I ратификационную грамоту Ахмеда III, подтверждавшую Константинопольский договор 3 июля 1700 г., и был пожалован 300 рублями³⁵. В 1713 г. доставивших текст Адрианопольского мирного договора драгуна лейб-эскадрона М. Арсеньева произвели в прапорщики³⁶, а ротмистра А. П. Вольского – в майоры³⁷.

В киевском гарнизоне по данным различных источников в 1719 или 1725 г. была сформирована рейтарская команда. Главной задачей киевских рейтар стало обеспечение связи между Коллегией иностранных дел и русским резидентом в Стамбуле И. И. Неплюевым³⁸. По условиям Константинопольского мира 1720 г. Россия вернула себе право на постоянное дипломатическое представительство в Стамбуле. В 1721–1735 гг. в качестве резидента в османской столице находился И. И. Неплюев. Как установила М. Ю. Государева, русский резидент отправлял секретные и «публичные» реляции с курьерами в Санкт-Петербург или Москву в среднем два раза в месяц³⁹. Впрочем, киевские рейтары исполняли курьерские обязанности задолго до создания специальной команды. Так, в октябре 1715 г. Посольская канцелярия указала киевскому губернатору Д. М. Голицыну предоставить отправленному с царскими грамотами в Стамбул майору И. Натали двух рейтар для курьерской службы⁴⁰.

Путь курьера из Стамбула до Москвы или Санкт-Петербурга занимал около месяца. В военное время доставка писем была делом нелегким. В документации Посольского приказа сохранились сведения о случаях, когда курьеры не добивались до адресатов. Опасности могли их подстергать на разных этапах маршрута. 1 апреля 1710 г. П. А. Толстой отправил из Стамбула с письмами в Москву грека Константина Евангелинова⁴¹. Поскольку царь находился в действующей армии, осаждавшей Выборг, курьера «сухим путем» послали туда. Однако когда К. Евангелинов прибыл в Выборг, то выяснилось, что Петр I вместе с флотом отправился назад. Ф. М. Апраксин послал К. Евангелинова вместе с «другими прилучившимися курьеры на галиоте сюды морем, но меж тем как его царского величества флот паки возвратился и стал при Кроншлоте, пришли в море шведские воинские корабли. И тако оный галион нечаянно к тем шведским караблям в глаза въехал». Некоторым из курьеров удалось добраться на шлюпке до берега, другие попали в плен. Среди последних был и К. Евангелинов. Г. И. Головкин беспокоился: «...и не писано ль... чего нужного не цыфрами, из каторого о всем могут уведомится. К тому ж и того сажалеем, хотя б он и писма бросил в воду, то иногда принужден будет о себе сказать или с пристращения или с недоразумия, откуда он ехал. И опасаемся, чтоб не произошло от того какого зла христианом, а турком не сочинило подозрения. Того ради желаю, дай Боже, дабы он сказался инако, не курьером»⁴².

2 августа 1711 г. из расположения русской армии близ Днестра к полномочным министрам был отправлен переводчик Андрей Ботвинкин, «которой едучи в пути безвестно пропал»⁴³. Переводчика, имевшего поручение доставить «соболей на 1220 рублей

и некоторым канцелярийским служителем к прежним дачам прибавочное жалованье», сопровождал офицер Астраханского полка Казимеров. Однако до П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева они не добрались, и дальнейшая судьба переводчика и офицера неизвестна⁴⁴.

В декабре 1713 г. нападению подвергся капрал драгунского лейб-эскадрона Архип Ласунский. Он вез письма из Посольского приказа и «из дому» русских послов. Согласно показаниям А. Ласунского, он проезжал близ Болхова один на почтовой лошади (поскольку вторая лошадь «пристала, и почтарь остался с присталой лошадью»). За две версты от города на него напали три разбойника в серых кафтанах («знатно что деревенские мужики») с рогатинами и большими ножами и отобрали письма и деньги. Затем, по словам капрала, разбойники его отпустили, но потом догнали и украли деньги, зашитые в одежду⁴⁵.

Итак, в первые годы пребывания П. А. Толстого при Высокой Порте его переписка осуществлялась главным образом через посредничество иерусалимского патриарха и его служителей. В дальнейшем значение данного способа переправки корреспонденции уменьшилось. Ненадежной оказалась и отправка писем с греческими купцами. В 1710-х гг. существенную помощь в пересылке дипломатической корреспонденции русским послам оказывали западноевропейские послы. С развитием русско-турецких дипломатических контактов проблема быстрой и надежной доставки корреспонденции усугубилась. Коллегия иностранных дел осознала необходимость совершенствования курьерской службы. В киевском гарнизоне была сформирована рейтарская команда, главной задачей которой стала доставка дипломатической почты из Стамбула.

- ¹ *Вигилев А. Н.* История отечественной почты. М., 1977. Ч. 1. С. 103.
- ² ПИБ. Т. 2. СПб., 1889. № 419. С. 34.
- ³ Там же.
- ⁴ РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). Оп. 1. 1703 г. Д. 3. Л. 373 об. – 374.
- ⁵ ПИБ. Т. 2. № 419. С. 35.
- ⁶ *Базарова Т. А.* «Ни в какие дела не вступаться»: русские представители в Стамбуле в 1700–1701 годах // Вестник НГУ. Сер. : История, филология. 2020. Т. 19, № 8 : История. С. 49.
- ⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1702 г. Д. 1. Л. 102 – 102 об.
- ⁸ Там же. Л. 116.
- ⁹ Там же. 1703 г. Д. 3. Л. 200 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 360 об.
- ¹¹ Там же. 1706 г. Д. 3. Л. 117.
- ¹² Там же. Л. 124 об.
- ¹³ ПИБ. Т. 5. СПб., 1907. Примеч. к № 1700. С. 635.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1703 г. Д. 3. Л. 226 об.
- ¹⁵ Там же. 1705 г. Д. 4. Л. 77 об.
- ¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 13 об.
- ¹⁷ Там же. 1703 г. Д. 3. Л. 439 об.
- ¹⁸ Там же. 1705 г. Д. 4. Л. 107 об.
- ¹⁹ Там же. 1703 г. Д. 3. Л. 73 об.
- ²⁰ Там же. 1706 г. Д. 3. Л. 52 об.
- ²¹ Там же. 1707 г. Д. 3. Л. 302.
- ²² См., например: Там же. 1709 г. Д. 1. Л. 82 об.
- ²³ *Молчанов Н. Н.* Дипломатия Петра Великого. М., 1990. С. 298.
- ²⁴ *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе : Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (Исследование и тексты). СПб., 2016. С. 514.
- ²⁵ *Kurat A. N.* Introduction // *The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople, 1710–1714* / ed. by A. N. Kurat. London, 1953. P. 7.
- ²⁶ *Никифоров А. А.* Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 62–64.
- ²⁷ См., например: РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 5. Л. 31 об.
- ²⁸ Там же. 1704 г. Д. 3. Л. 205.
- ²⁹ Там же. 1705 г. Д. 4. Л. 89 об.
- ³⁰ *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе. С. 178.

- ³¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1718 г. Д. 8. Л. 5 об.
- ³² Там же. Л. 16.
- ³³ Там же. 1712 г. Д. 22. Л. 1; 1713 г. Д. 5. Л. 19 об.
- ³⁴ *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе. С. 210.
- ³⁵ *Шутой В. Е.* Введение // Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата) / пер., введ. и примеч. В. Е. Шутого ; отв. ред. С. Ф. Орешкова. М., 1977. С. 15.
- ³⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 5. Л. 19 об.
- ³⁷ Там же. Л. 30.
- ³⁸ *Назаренко В. Н.* Реформы гарнизонных войск Российской империи XVIII в. (на примере Киевского гарнизона) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1 : Гісторыя, філасофія, паліталогія. 2015. № 2 (197). С. 49; *Он же.* «Для посылок в Царьград и другие окрестные государства»: кийівські рейтарі XVIII ст. // Соціум. Альманах соціальної історії. 2017. Вип. 13–14. С. 44.
- ³⁹ *Государева М. Ю.* Русская дипломатическая миссия в Стамбуле в 20–30-е годы XVIII века // Вестник РГУ им. С. А. Есенина. 2011. № 1. С. 103–104.
- ⁴⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1715 г. Д. 6. Л. 64.
- ⁴¹ Там же. Ф. 1274 (Панины – Блудовы). Оп. 1. Д. 3170. Л. 202 об.
- ⁴² Там же. Л. 239.
- ⁴³ Там же. Ф. 89. Оп. 1. 1714 г. Д. 18. Л. 1 об.
- ⁴⁴ *Базарова Т. А.* Русские дипломаты при османском дворе. С. 286.
- ⁴⁵ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 29. Л. 1 об. – 2.